

Формирование практик участия граждан в развитии городской среды: хаби́туализация или институционализация «сверху»*

Елена Олеговна

СМОЛЕВА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: riolenas@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-6452-1441; ResearcherID: I-8343-2016

Аннотация. В статье представлены результаты социологического исследования процесса формирования социальных практик участия граждан в развитии городской среды. Создание нового, комфортного для человека городского пространства предполагает учет интересов различных групп населения и разработку механизмов вовлеченности граждан в городской менеджмент. Цель работы заключается в выявлении основных путей формирования практик участия граждан в развитии городской среды посредством анализа процессов институционализации. Теоретико-методологическую основу исследования составляют работы, посвященные социальным институтам и институционализации, рассмотрению общественных движений как агентов институционализации, праву горожан на участие в развитии городов, проблематике гражданского участия в проектировании городских пространств. В ходе анализа были определены основные участники (игроки), чьи интересы затрагиваются при конструировании и решении социальной проблемы – развитии городской среды; рассмотрены два процесса формирования правил, согласно которым игроки действуют на публичных аренах: «снизу» через опривычивание или «сверху» как импорт социальных институтов. Показаны различия в процессе и результатах институционализации гражданского участия в условиях наличия или отсутствия конфликта интересов основных игроков: общества, власти, бизнес-сообщества. Процессы сравниваются по следующим параметрам: характеру институциональных изменений, отношений и действий, виду институциональ-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках гранта № 19-011-00724 «Барьеры гражданского участия и механизмы их преодоления на региональном уровне».

Для цитирования: Смолева Е.О. Формирование практик участия граждан в развитии городской среды: хаби́туализация или институционализация «сверху» // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2021. Т. 14. № 5. С. 244–260. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.14

For citation: Smoleva E.O. Forming the practices of citizens' participation in the development of the urban environment: Habitualization or institutionalization from above. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 5, pp. 244–260. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.14

ных изменений, структуре политических возможностей, ступеням гражданского участия. Автор делает выводы о том, как направленность процессов влияет на характер гражданского участия. В частности, выпадение в процессе институционализации «сверху» ступеней «партнерство», «делегирование полномочий» свидетельствует о формальном и имитационном характере практик гражданского участия в городском развитии. Новизна работы состоит в сопоставлении разнонаправленных процессов институционализации гражданского участия («снизу» и «сверху») на примере конкретной области – городского развития.

Ключевые слова: социальный институт, социальные практики, хаби́туализация, институционализация, гражданское участие.

Введение

Современная урбанистика отмечает смену парадигм в развитии городов: вместо образа «город как офис» приходят модели «город для жизни», а в проектирование общественных пространств вкладывается социальный смысл¹. Создание нового, комфортного для человека городского пространства предполагает учет интересов различных групп населения и наличие социального запроса на другое качество среды. В 2020 году 75% россиян проживали в городах², именно их интересам отвечают основные положения национального проекта «Жилье и городская среда», который напрямую связывает повышение комфортности городской среды с созданием механизма прямого участия населения в ее формировании. По поручению Президента России В.В. Путина доля этой категории граждан к 2024 году должна возрасти до 30%³.

Развитие городской среды с точки зрения жителей и выдвигаемых ими гражданских инициатив связано, в первую очередь, с ее качеством. В научных кругах отсутствует однозначная интерпретация понятия «качество городской среды», зачастую оно подменяется понятием «комфортная городская среда»⁴. Для более комфортного проживания граждане вносят свой вклад в развитие города.

¹ См., например: Жители комфортных городов склонны к оседлости. URL: <https://iq.hse.ru/news/177666082.html>

² Доля городского населения Российской Федерации в общей численности населения / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/>

³ Национальный проект «Жилье и городская среда». URL: <https://minstroyrf.gov.ru/trades/natsionalnye-proekty/natsionalnyy-proekt-zhilye-i-gorodskaya-sreda/>

⁴ Алешина Е.П. Анализ особенностей использования урбанизированной территории Рязани в целях оптимизации характеристик комфортности среды: дис. ... канд. геогр. наук. Рязань, 1999. 155 с.

Однако и качество городской среды, ее восприятие жителями обуславливают их поведение: либо просоциальное (забота об окружающей среде, ее восстановление), либо антисоциальное (вандализм) [1, с. 260].

Комфортность проживания, использование и присвоение городских территорий, доступность общественных пространств являются составными частями «права на город» [2]. В современных условиях реализация «права на город» происходит на фоне возрастания роли неинституциональных форм участия граждан [3]. Активизация социальных взаимодействий на местном уровне обеспечивается тем, что проблемы затрагивают и отдельных жителей, и локальное сообщество в целом [4, с. 23].

В научной среде увеличивается число исследований коллективных действий и общественных движений с точки зрения неинституциональной теории [5; 6], проводятся сравнения институциональных и неинституциональных субъектов городских изменений [7], однако исследования, касающиеся механизмов формирования общественных объединений в России, еще фрагментарны [8, с. 113–114].

Цель работы заключается в выявлении основных путей формирования практик участия граждан в развитии городской среды с акцентом на изучение процессов их институционализации.

Теоретические подходы к изучению социальных практик и социальных институтов

Социальные практики и социальные институты

В социологии категория «социальная практика» представлена в работах П. Бурдьё, П. Бергера и Т. Лукмана, Э. Гидденса, Г. Гарфинкеля, А. Шюца и др. П. Бурдьё определял социальные практики как действия социаль-

ных субъектов⁵, которые соответствуют сложившимся у них установкам. Выделяется два вида практики: ежедневные привычные действия и целенаправленные действия по преобразованию социальной реальности. Индивид определяет уместность действий на основании габитуса – системы диспозиций, структурированных «принципов, порождающих практики и представления...» [9, с. 102]. По мнению Э. Гидденса, социальные практики воспроизводятся акторами регулярно, поэтому он вводит понятие «рутинизация» как совершение действий привычным способом. Социальная практика не создается каждый раз вновь социальными акторами, а только воспроизводится ими [10, с. 185].

Индивидуальные действия трансформируются в социальные практики в процессе упорядочения и повторения, который получает наименование «рутинизация» [10] или «хабуализация» [11]. Социальное действие через стадию опривычивания переходит в статус социальной практики и далее – социального института. «Институционализированные правила... делают отношения между актором и действием более социально тавтологическими, чем причинными» [12, с. 18]. Актеры, сценарии действий и институты образуют «нераздельную триаду», что, однако, «не искореняет индивидуальность и не ослабляет актора» [13, с. 900]: опривыченность действия не означает его бездумную автоматичность.

В отечественной социологии научный дискурс разворачивается вокруг соотношения понятий «социальные практики» и «социальные институты». Одни ученые полагают, что социальный институт представляет собой устойчивые формы практики, отождествляя по большей части практику с частными институтами [14, с. 95]. Противоположное мнение состоит в том, что социальные практики являются формами функционирования общественных институтов. За социальными институтами закрепляется статус «содержания», «сущности» [15, с. 7; 16, с. 11]. С.Г. Кирдина вносит понятие «институциональные формы», которые в отличие от базовых институтов и выступают социальными практиками [17]. По нашему мнению,

⁵ Наряду с понятием «социальный субъект» при рассмотрении социальных практик и социальных институтов используются понятия «агент» (М. де Серто), «актор» (М. Крозье, Э. Фридберг, П. Бурдьё) (прим. автора).

рассмотрение социальных институтов и практик в философской традиции бинарного подхода как сущности и формы не позволит в полном объеме выявить институциональные изменения в российском обществе, так как отталкивается от принципа преваляирования сущности над формой. С позиций системного подхода «социальные практики – действия» и «социальные институты – диспозиции» – взаимосвязанные компоненты одной системы, но их связь опосредована контекстуально. С этого ракурса предлагаем рассмотреть формирование и трансформации указанных системных элементов.

Процессы становления и изменения практик и институтов. Общественные движения как агенты институциональных изменений

П. Бергер и Т. Лукман выстраивают процесс формирования практик в четыре стадии: хабуализация, типизация (выделение типичных способов взаимодействия агентов), институциализация (выделение ролевой матрицы – институции) и легитимация идей и социальных действий [11, с. 98]. Благодаря взаимным типизациям статус «уникальных действий» субъекта меняется на «социально значимые действия в соответствии со сценариями» [13, с. 900]. Центральную роль в воспроизводстве и изменении социальных порядков играют процессы легитимации. Согласно теории социального конструктивизма новые идеи и правила должны быть доступными и отражать общественное мнение, что возможно при определенных «усилиях групп людей по конструированию разделяемых ими схем понимания мира и самих себя, которые легитимируют и мотивируют коллективное действие» [18, с. 6].

В изменениях социальных практик могут быть задействованы следующие механизмы:

- акцентирование внимания на определенных социальных действиях с последующей их репрезентацией в качестве социальных норм;
- переход практики из маргинальной в нормативную;
- заимствование социальных практик [19, с. 17–18].

Институционализация – это процесс установления новых правил или подтверждения действующих [20]. Современные подходы к институционализации выводят ее за рамки привычных действий. Сущность процесса

заключается в «проникновении активности ... в институциональные пространства» [21, с. 275], «создании организационной среды для активистов внутри институциональных пространств» [22, с. 197]. Особенности его протекания заложены в структуре политических возможностей – комплексе факторов, от которых зависит вероятность коллективного действия и способность к достижению поставленных политических целей [23, с. 11]. Структура носит открытый или закрытый характер, что обусловлено готовностью политической системы к взаимодействию с различными группами населения. Достаточно часто высказывается мнение о том, что институты являются результатом борьбы, а социальные отношения акторов носят асимметричный характер [24; 25; 26].

Агентами институциональных изменений выступают общественные движения [27], которые соотносятся с институционализированными практиками в определенной институциональной среде [5]. С противоположной точки зрения, общественные движения развиваются в рамках неформальных, не имеющих институционализированного характера систем [28, с. 11; 29, с. 166].

Порядок институционализации

Н.А. Скобелина в качестве особенности, присущей процессу институционализации общественных движений в России, определяет направление указанного процесса «сверху» [5, с. 126]. Классический способ состоит в создании движения «снизу»: движения формируются и разрастаются из группы единомышленников, объединенных решением конкретной проблемы.

Важная ступень обоих процессов – признание законности в системе государственной власти, легитимация в общественном сознании. Процесс институционализации «снизу» проходит ступени от появления социальной потребности до признания законности в системе государственной власти, легитимности в общественном сознании. На начальном этапе отсутствуют жестко закрепленные за отдельными участниками социальные роли и статусы. «Сверху» институционализация начинается с формирования целей со стороны власти, создания порядка действий и организационного ядра общественного объединения. Маркерами этапа состоявшейся институционализации вы-

ступают формализованные правила и устойчивые статусно-ролевые позиции, наличие планов на длительную перспективу [5].

Интересно, что У. Гэмсон [30] выделяет превращение гражданских активистов в легитимных участников публичной дискуссии и представителей интересов определенной социальной группы как значимый результат наряду с достижением публично заявленных целей. В этом его поддерживают исследователи, которые предлагают сосредоточиться именно на трансформации позиций активистов в горизонтальных и вертикальных сетях [31, с. 133].

Практики гражданского участия в развитии городской среды

В настоящее время в России имеется запрос и общества, и государства на гражданское участие в развитии городской среды, поэтому формирование соответствующих практик иницируется различными группами игроков: гражданскими активистами, общественными объединениями, представителями органов власти, бизнес-сообщества. Стратегии игроков, действующих в институциональном поле, обусловлены властными позициями и асимметриями отношений [26, с. 186; 32]. Странам с превалированием ценностей государства над ценностями гражданского общества присущи более конфронтационные стратегии [33, с. 50]: социальные движения, оспаривающие существующие властные отношения, вовлекаются в противостояние, а власть, на которую направлен социальный протест, в свою очередь, вырабатывает набор формальных и неформальных правил игры [34].

Ш. Арнштейн на примере «лестницы гражданского участия» показала разницу между «пустым ритуалом формального участия» и реальным участием граждан в управлении городом [35]. Ступени «лестницы», соответствующие степени полномочий граждан, сгруппированы по уровням от неучастия через имитацию деятельности (символические меры) до гражданского управления. В последнее входят стадии партнерства, делегирования полномочий и гражданского контроля.

Исследования гражданского участия в России показывают, что локальные сообщества активизируются в случае возникновения угрозы праву на присвоение городского пространства. Сплочение для отстаивания интересов про-

исходит в «малых» публичных пространствах на уровне дома, группы домов, квартала, гораздо реже — на уровне города. «Вырабатываемая практика взаимодействий, особенно если она оказывается результативной, способствует дальнейшему развитию местного сообщества» [4, с. 30]. Верно и обратное утверждение: консолидация жителей приводит к закрытию или пересмотру неугодных проектов. Так, Е. Тыканова и А. Хохлова приводят пример, когда постепенная институционализация инициативной группы стала важным фактором успеха в решении градостроительного конфликта [26, с. 187].

Методология

Для достижения цели исследования на основании обзора теорий нами были сформулированы исследовательские вопросы:

- кто является основными участниками (игроками), чьи интересы затрагиваются при конструировании и решении социальной проблемы — развитии городской среды;
- какие существуют правила, согласно которым игроки действуют на публичных аренах, формируя социальные практики;
- как выстраиваются эти правила: «снизу» через опривычивание или «сверху» как импорт социальных институтов;
- как направленность процессов «снизу vs сверху» влияет на характер гражданского участия?

В качестве стратегии полевого исследования выбрано множественное case study. Информационной базой послужили материалы цифровых сетей по тематике городского благоустройства, выявляющие проблемы в этой сфере, и размещенные в интернете публикации СМИ. В базу включались тексты о действиях активистов из неформальных общественных объединений, деятельности различных проектных групп по городскому развитию. Отбор кейсов для изучения процессов институционализации «снизу» осуществлялся по нескольким критериям. Основными участниками, чьи интересы затрагиваются при конструировании и решении социальной проблемы, в данном случае выступают граждане, которые предпринимают индивидуальные действия, или неформальные объединения граждан, а также институциональные субъекты, которые обладают ресурсами для развития городской среды. Поэтому отбирались, во-первых, примеры неассоциированных

форм гражданского участия, но обязательно в связке с информацией о взаимодействиях с институциональными субъектами (органами власти и местного самоуправления) и населением. Во-вторых, определен круг проблем городского развития: повышение комфортности домово-придомовой территории; создание или сохранение общественных пространств. В-третьих, информация должна быть представлена с различных точек зрения: официальная позиция властей и позиция активистов. Например, поиск кейсов повышения комфортности придомовой территории осуществлялся с помощью первичного поискового запроса в Google о конкурсах «Цветущий город» («Красивый город», «Цветущий палисадник» и т. д.) и последующего поиска интервью с победителями конкурсов. Материалы разбивались на две категории по признаку «взаимодействие активистов и институциональных субъектов»: без конфликта и с конфликтом интересов. В-четвертых, информация об отдельных кейсах максимально представлена по всем этапам институционализации «снизу» [5]: появление потребности; формирование общих целей; интернализация норм; распространение институционализированных форм деятельности; признание законности в глазах власти, легитимности в массовом сознании; установление системы санкций и поощрений; создание системы статусов и ролей.

Было отобрано по 10 кейсов (всего 30 кейсов): гражданское участие в развитии городской среды без конфликта интересов (индивидуальные и совместные действия) и гражданское участие в развитии городской среды с конфликтом интересов (совместные действия). В качестве иллюстраций процесса институционализации «снизу» в статью вошли 11 кейсов: «тексты про гражданское участие в развитии городской среды без конфликта интересов» (случаи в городах Москва, Благовещенск, Екатеринбург, селе Богатое Самарской области) и «тексты про гражданское участие в развитии городской среды с конфликтом интересов» (случаи в городах Екатеринбург, Королев, Нижний Новгород, Вологда, Санкт-Петербург). Предварительный анализ практик гражданского участия показал высокую активность населения Москвы и Санкт-Петербурга, однако исследовательская база сознательно расширялась за счет поиска различных практик жителей населенных пунктов

из других регионов. Таким образом, в поле зрения исследователя попали практики, имевшие место в населенных пунктах с различной численностью населения и различным административным статусом. Полный перечень материалов, включенных в статью, дан в Приложении.

Массив текстов подвергался ивент- и дискурс-анализу по схеме: топик – предмет обсуждения, тема, общий смысл, основное содержание, контекст, вербальные реакции, комментарии. Основное содержание было структурировано по разделам, соответствующим этапам институционализации.

Дополнительно привлекались данные из эмпирической базы исследования по гранту РФФИ № 19-011-00724 «Барьеры гражданского участия и механизмы их преодоления на региональном уровне» (экспертных интервью). Тематика интервью достаточно широкая и касается различных аспектов гражданского участия в разных сферах. В связи с этим в качестве дополнительных аргументов в статью вошли данные двух экспертных интервью, где речь шла именно о вовлечении жителей в развитие городской среды: эксперт 1 – руководитель общественного объединения; депутат городской Думы, бывший руководитель общественного совета; эксперт 2 – член общественного совета г. Вологды.

Институционализация гражданского участия «снизу»

На содержание этапов институционализации участия граждан в развитии городской среды по инициативе самих активистов влияет наличие или отсутствие конфликта интересов игроков: общества, власти и бизнес-сообщества.

Институционализация «снизу» без конфликта интересов обычно выражается в улучшении городской среды в рамках тактического урбанизма или затрагивает «малые» публичные пространства. После появления потребности в улучшении отдельных небольших городских объектов, чаще всего «малых» публичных пространств (подъездов, придомовой территории и т. п.), у активистов формируются цели: например, реставрировать подъезд в «старом фонде», улучшить внешний облик деревянных домов, привести в порядок придомовую территорию. В ходе реализации поставленных задач многократно повторяемые действия становятся при-

вычными. Если сначала «Они привели в порядок двор», то потом «На строительной базе увидели дешёвую плитку, кое-где колотую. Положили – красиво вышло», «В карьере камень купили – сами выложили чашу для фонтана и водопадную горку» (Благовещенск). Или: «Смогли за три года из выжженной земли сделать сад. За все время здесь было высажено порядка 150 деревьев и кустарников, а также многолетние цветы и травы» (Екатеринбург 1); «Арт-объект мы создали в третьем сезоне фестиваля, а до этого два года восстанавливали старинное здание почтово-телеграфной конторы» (с. Богатое). Для достижения цели активисты вырабатывают правила поведения и взаимодействия с УК, соседями, представителями бизнес-сообщества, на уровне муниципалитета с органами власти и различными учреждениями. Например: «Коммунальщики по просьбе жильцов перестали скидывать на газоны собранный снег вперемешку с химией» (Москва 1), «С приобретением строительных материалов помогла управляющая компания» (Благовещенск), «Вела переговоры с организацией, ответственной за ведение работ, и в итоге обратилась с официальным письмом в Мосжилинспекцию. Затем получила поддержку от местной управляющей компании» (Москва 2). Но не всегда они приводят к соглашениям: «Есть еще финансовая проблема – предпринимателей здесь мало, да и помогать захочет не каждый» (с. Богатое). Процесс институционализации проходит через опривычивание действий и выражается в наличии устойчивых образцов поведения, взаимодействий, неформальных правил.

В качестве результатов институционализации «снизу» представляем следующие:

– распространение институционализированных форм деятельности, например: «Вернуть подъезду исторический облик вдохновил пример жильцов дома в Сивцевом Вражке, которые на собственные деньги раскрыли росписи на потолке своего подъезда» (Москва 2);

– установление системы санкций и поощрений: «Садик на Бибиревской участвовал в ландшафтном конкурсе и получил в награду рассадку из Аптекарского огорода» (Москва 1), «В Благовещенске подвели итоги конкурса на лучшее благоустройство двора многоквартирного дома. Организаторы приняли более 30 заявок» (Благовещенск), «Подходят соседи, благодарят» (Москва 1);

– создание системы статусов и ролей: «*хозяйка сада*» (Москва 1), «*распоряжается этим газоном*» (Вологда);

– консолидация местного сообщества: «*Местный дворник Илхом привез с родины, из Узбекистана, кусты восточных роз. Сосед Саша с подмосковной дачи – тот самый виноград, саженцы сливы и груши. Еще один сосед – землянику*» (Москва 1); «*Соседей никто не заставлял. Увидев, что работа движется, постепенно присоединялись соседи – кто цветы посадить, кто что-то покрасить. Приходили даже те, кто изначально был против*» (Благовещенск), «*Пришло так много людей, что на всех не хватило инструментов*» (Екатеринбург 1). Хотя встречается и противоположный результат: «*Спустя три сезона ему так и не удалось найти единомышленников*» (с. Богатое).

Как значимый результат выделим реализацию «права на город» в форме присвоения территорий, выход за пределы ограниченного пространства квартиры. Формируются ценностные основания гражданского активизма: «*Главная идея состоит в том, что это горожане делают для горожан*» (Екатеринбург 1), «*Фестиваль помогает, в первую очередь, не домам, а людям – изменить образ мыслей, поверить, что можно что-то сдвинуть с мертвой точки*» (с. Богатое). Для распространения неформально закрепленных социальных практик важна не просто трансляция положительного опыта и мотивация («*Мой совет жильцам исторических домов – вести активную работу в своем подъезде*» (Москва 2)), а передача опыта: «*Если начинаются какие-то работы, нужно сразу обращаться в „Архнадзор“ или другие НКО. Они направят людей в нужные места и помогут добиться того, чтобы в подъезде не убрали старую плитку или не меняли старинные окна*» (Москва 2).

Отметим роль социокультурного контекста на примере различий в поддержке гражданских инициатив жителями городов и малых населенных пунктов. «*В селе меньше активных жителей, чем в городе. Фестиваль для городских жителей – это возможность куда-то сбежать из квартиры, а у нас в селе и так есть, куда сбежать: на речку, на озеро, в огород, в лес. Поэтому на фестиваль в селе приходят только идейные люди, а их немного. К тому же, жители села с пренебрежением относятся к тому, чтобы идти красить дом соседу*» (с. Богатое).

Общественный дискурс в отношении лидеров наполнен тематикой ответственности и активности, исключительности: «*Один самый активный, кто будет брать на себя эту ответственность, бегать, добиваться и принимать решения*» (Москва 2); «*Жителям села был нужен какой-то герой, двигатель, который будет продвигать их интересы*» (с. Богатое).

Итак, при прохождении процесса формирования института участия граждан в создании комфортной городской среды «снизу» в отсутствие конфликта интересов задействован механизм хаби́туализации, а также реализуются все этапы, представленные на «лестнице гражданского участия» Ш. Арнштейн.

Процесс несколько отличается, если мы рассматриваем его в отношении общественных объединений, так как в этом случае акцент ставится на организационную оформленность, выработку и интернализацию норм, правил поведения, а также на признание законности общественного объединения в глазах власти, его легитимности в массовом сознании. Чаще всего объединиться граждан заставляет конфликт интересов, поэтому на первоначальном этапе институционализации гражданского участия появление потребности в общественном движении связано с отстаиванием активистами своей позиции и интересов населения. Например, по данным ВЦИОМ⁶, 74% жителей г. Екатеринбурга не считали городской сквер у театра драмы подходящим местом для возведения религиозного здания (Екатеринбург 2). Активистами общие цели формируются чаще всего в формате лозунгов и призывов: «*Вы хотите храм, мы хотим сквер – будет война*» (Екатеринбург 2), «*Защитим Рябиновый Сквер!*» (Королев), «*Сохраним и благоустроим сквер...*» (Н. Новгород). В целях расширения движения и сплочения жителей производится организационная оформленность в социальных сетях: оформление движения «Река объединяет», группа ВКонтакте «Сохраним Сквер в Приокском Районе» и т. п.

На начальных стадиях развития движения в ситуации конфликта интересов структура политических возможностей носит закрытый характер. Власти демонстрируют неготовность к

⁶ Город и храм: опрос ВЦИОМ в Екатеринбурге. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gorod-i-khram-opros-vcziom-v-ekaterinburge>

взаимодействию с различными группами населения: «*Прибыл чиновник из администрации губернатора... ТОЛЬКО проверка: действительно ли такое большое количество жителей против стройки или весь сыр-бор устроила жалкая кучка ненормальных граждан*» (Н. Новгород). До вынесения активистами проблемы на федеральный уровень и усиления протестных выступлений власти упорно игнорируют мнение экспертов и горожан, что демонстрируют истории протестов против берегоукрепления в Вологде, строительства Охта-центра в Санкт-Петербурге. Так как в ситуациях конфликта или асимметрии отношений власть вырабатывает порядок действий, то ответной реакцией противоположной стороны также становится выработка правил поведения: «*Да, все разговоры с полицией и прочими защитниками строительства – под запись. Запись видео включать до начала разговора*» (Екатеринбург 2), «*Мы рисуем на асфальте только цветы. Никаких политических лозунгов! Не делаем в интервью никаких политических высказываний!*» (Вологда).

Для достижения цели общественники вынуждены прибегнуть к тактике активных действий и взаимодействий: «*Писать Куйвашеву на его странице в инстаграме, пока там ещё не отключены комментарии. Также надо привлечь максимальное количество центральных средств массовой информации, писать и звонить во все ведомства*» (Екатеринбург 2), «*Выходим вечером на митинг! Встречаемся с представителями администрации!*» (Королев), «*Можно попробовать провести с ним телефонные переговоры... А пока сегодня поданы письменные заявления от инициативной группы. И письма, и флеш-моб и пр., пр., все будет*» (Н. Новгород).

Не получившие пока институциональной закреплённости формы деятельности распространяются путем информирования, консультирования и вовлечения граждан через подачу петиций, участие в митингах. Активисты транслируют опыт решения проблемных вопросов: «*На официальном сайте „Российская общественная инициатива“ необходимо быть зарегистрированным через госуслуги*» (Н. Новгород), «*Планировали отработать схему, которой смогут пользоваться другие заинтересованные горожане. Но пока попытки тиражировать наш опыт комитет пресекает*» (Санкт-Петербург 2).

Ситуации конфликта интересов разворачиваются между активистами, с одной стороны, и бизнесом, властью, с другой. Но в этой ситуации интересы активистов и всего населения могут не совпадать. Достаточно часто активисты дополнительно убеждают население, в чем состоят его интересы. Поэтому и процессы легитимации в массовом сознании носят двойственный характер: «*Жители и те, кто их поддерживал, молодцы*» (Королев) против «*Удивляет полная индифферентность жителей Вологодской области*» (Вологда). Со стороны населения также присутствует возложение ответственности за решение проблемы на «ядро» общественного движения»: «*...никто не мешает нам с Вами контролировать этот процесс!*» (Екатеринбург 2). Однако в отсутствии диалога с властью среди населения возникают пессимистические настроения: «*Мы знаем, что замечания не учтут*» (Екатеринбург 2).

В случае конфликта интересов происходит выстраивание социальных ролей со стороны противников. Так, протестная компания против строительства Охта-центра в Санкт-Петербурге была построена на образе «чужака-захватчика», что способствовало усилению градозащитного движения за счет консолидации жителей на основе идентичности «петербуржец». Странники строительства транслировали образ оппозиции как «маргиналов», «провокаторов», «городских сумасшедших» [36]. Дискурс в отношении фигур лидеров и активистов разворачивается в сторону принижающих характеристик: «*Я ваш сосед. Это тот нудный „крендель“, который по вечерам прерывал ваш отдых*» (Н. Новгород); «*Часто активистов считают городскими сумасшедшими*», «*Появился какой-то идиот и сделал это*» (Санкт-Петербург 2).

Получившие широкую поддержку общественности социальные практики, как правило, признаются властью законными: «*Сегодня прием инициативной группы у Морозова состоялся, на нем также присутствовал министр строительства Нижегородской области*» (Н. Новгород), «*...организовать прямой разговор двух сторон друг с другом. Я готов выступить посредником в этом разговоре*» (из блога мэра, Екатеринбург 2) и даже «*Губернатор Московской об-*

ласти жестко указал Александру Ходыреву на ошибки, допущенные муниципальным руководством» (Королев).

Происходит временная консолидация общества: «На акции в разное время находятся от нескольких сотен до полутора – двух тысяч человек одновременно» (Екатеринбург 2); «Люди, проживающие в одном районе и, ранее, что греха таить, мало обращавшие внимание друг на друга, сейчас начали узнавать соседей на улицах, начали здороваться. И это прекрасно!» (Н. Новгород); «Раньше не было площадки, где они могли бы об этом говорить, а теперь есть не только группа „Деревья Петербурга“, но и подобные сообщества, сделанные жителями чуть ли не каждого района» (Санкт-Петербург 2).

Рассматриваемые ситуации требуют приложения усилий со стороны активистов для поддержания и расширения своей группы, в которой формируется новый порядок действий: «С командой очень сложно, и, я так понимаю, это проблема не только моя. Очень сложно заставить людей что-то делать, потому что не у всех есть столько ресурсов, сколько у меня» (Санкт-Петербург 2); «В группы, озабоченные проблемой набережной, записываются только те, кто болеет по этой теме душой» (Вологда).

Если говорить о таком показателе состоявшейся институционализации, как наличие планов на длительную перспективу, то они касаются только проблемной ситуации, вокруг которой разворачивается гражданская активность: «Чиновники публично отчитались о проделанной работе, но это не значит, что мы должны прекратить задавать вопросы и пытаться выстроить с ними конструктивный диалог» (Екатеринбург 2); «Не выходите из группы, пока вопрос не будет окончательно решен» (Н. Новгород).

Анализ практики показал, что немногие общественные объединения доходят до этапа создания системы статусов и ролей, т. к. гражданский активизм в России носит ситуационный характер, и даже до этапа легитимации, т. к. население остается в стороне от регулярных действий активистов. Двойственная ситуация складывается с признанием объединений со стороны властей – от сотрудничества в случаях широкомасштабной поддержки до подмены

партнерства власти и граждан «имитацией диалога». Эксперт 1: «Проведение воркшопов было, чтобы эту волну ещё сбить, погасить. Это, наверно, правильно, люди все-таки высказались, сказали, что и как хотят видеть...»

Для гражданского участия важно, когда инициатива исходит «снизу», жители готовы брать на себя ответственность за дальнейшую судьбу территории или объекта: «Мы хотели все сделать сами, без трат бюджетных средств, и даже были готовы потом ухаживать за этими деревьями или давать на это деньги» (Санкт-Петербург 2).

Институционализация гражданского участия «сверху»

При прохождении процесса институционализации «сверху» в качестве потребности помимо повышения качества жизни и создания комфортной городской среды добавляется импорт институтов гражданского общества, поэтому цели со стороны власти формируются в виде количественных показателей: «Увеличение к 2024 году до 30% доли граждан, принимающих участие в решении вопросов развития городской среды». Создание властью порядка действий закрепляется документально: Стандарты комплексного развития территорий, Стандарт вовлечения граждан в решение вопросов развития городской среды, Индекс качества городской среды. Для реализации целей за специальными организациями закрепляется представительство интересов муниципальной власти. В качестве примера подобных организаций приведем региональные центры компетенций по вопросам городской среды. На этапе признания легитимности созданных институтов в массовом сознании происходит представление созданных структур как легитимных медиаторов между населением, властью и бизнесом. Распространение институционализированных форм деятельности осуществляется путем привлечения граждан к общественным обсуждениям, инициаторами которых становятся созданные организации. На последнем этапе формируется система социального (общественного) контроля, где задействованы созданные при поддержке власти структуры (Общероссийский народный фронт, общественные советы).

В ходе анализа материалов, представленных на информационных порталах, выявлены изменения институтов развития городской среды. Во-первых, увеличилось число участников в выработке решений. Это и общественные объединения, являющиеся результатом «инициативы снизу» («Городские проекты», «Красивый город» и т. д.), и создаваемые при поддержке власти структуры (национальный центр компетенций «Умный город», региональные центры компетенций по вопросам городской среды). Развиваются гибридные структуры (например, общественное объединение «Городские реновации», переход Института развития городов Башкортостана в статус регионального центра компетенций по вопросам развития городской среды). На одной территории вопросами развития города одновременно занимаются и сформированные при содействии городских властей организации, и объединения, созданные по инициативе активистов. Различные акторы организуют обсуждения проектов одних и тех же городских пространств, что заставляет горожан делать выбор: какая из организаций представляет их интересы, чей проект будет реализован. Так, при проектировании общественных пространств в условиях конфликта интересов муниципальные власти обратились к специалистам из другого региона, отказавшись от работы с местным архитектурным сообществом (проект благоустройства набережной в Вологде, строительство Охта-центра в Санкт-Петербурге). Кроме того, ограниченность числа местных экспертов ставит вопросы о целесообразности создания многочисленных структур, занимающихся одной проблематикой, и эффективности их деятельности.

Во-вторых, в условиях конкуренции государство играет активную роль в формировании институтов городского развития, что проявляется в принятии пула документов федерального значения, разработке инструментов гражданского участия в формировании городской среды. Например, Стандарт вовлечения граждан в решение вопросов развития городской среды, разработанный в 2020 году совместно Минстроем и Агентством стратегических инициатив, регламентирует более 20 форматов работы с населением. По мнению О. Панченкова, масштаб проекта Минстроя «при единообразии подхода

неизбежно приведет к преимуществу количества над качеством и формы над содержанием: за положенными в основу отчетности словами и цифрами исчезнет самое главное — то, для чего проект придумывался»⁷.

Создание двойных структур в сфере городского развития часто не обеспечено ресурсами, поэтому возникает вопрос об эффективности их деятельности. Так, проверка ОНФ выявила неэффективность работы в 2019 году региональных центров компетенций в 28 субъектах РФ, причинами которой послужили неуккомплектованность кадрами вследствие недостаточных объемов финансирования; несоответствие привлеченных специалистов запланированным объемам работ; перенос фокуса выполняемых РЦК работ с развития городской среды на решение узких задач (например, проблемы ТКО)⁸.

В-третьих, следует отметить невысокий уровень вовлеченности граждан в процесс обсуждения городского развития, отсутствие у них четко сформулированных интересов в этой области.

Эксперт 1: «У нас самые активные люди — это те, когда кто-то чем-то недоволен. А когда требуется хорошее дело поддержать, то все разбегаются. В этом плане активность очень недостаточная. Тот же бульвар Пирогова, предлагаешь: «Люди выйдете, посмотрите, что вас устраивает, вам здесь жить, это ваша будет территория. Никого нет».

Эксперт 2: «Жители начинают выходить только тогда, когда начинает что-то делаться. Когда обсуждается, никого нет».

Исследования потребительских запросов и поведенческих сценариев горожан выявляют расхождения между представлениями жителей о том, что им нужно на придомовой территории, и тем, чем они пользуются. «Горожане попросту переоценивают свою активность. К примеру, треть опрошенных

⁷ Панченков О. Одинаковые города: чем плох подход российских властей к благоустройству // РБК. 24.11.2017. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/society/24/11/2017/5a17d5c59a7947545c001e90>

⁸ Мониторинг ОНФ: В 28 регионах центры компетенций работают неэффективно. URL: <https://onf.ru/2019/10/24/monitoring-onf-v-28-regionah-centry-kompetency-rabotayut-neeftektivno/>

утверждали, что пользуются во дворе бесплатным Wi-Fi. На деле подключения к сети были единичными летом и отсутствовали зимой. Многие говорили: хотим заниматься спортом. При этом на площадки для воркаута и корты приходили немногие»⁹.

В-четвертых, отсутствует общее видение развития городской среды. В проекте Минстроя оно проходит под слоганами «Все начинается с дворов» и «Современные общественные зоны». Каждый городской проект разрабатывается в контексте общей концепции и ориентируется на запросы жителей, согласование интересов различных групп. На практике активно задействуют граждан только в дизайн-проектах отдельных общественных территорий, так как чаще всего развитие города трактуется муниципальной властью именно как развитие публичных пространств, а порядок действий и показатели в этом случае формализованы на уровне государства. «У нас не существует ни стратегии, ни планирования новых объектов» (Санкт-Петербург 2).

Проекты, выполняемые в рамках программы комфортной городской среды, вызывают как позитивные, так и недовольные отклики, связанные с их однообразием: «Если вы следите за тем, как реализуется программа комфортной среды, подумайте десять раз, прежде чем просить включить сквер в эту программу. Там не фанари поставят, а всё повыврубают и поперекапывают и замостят брусчаткой. Воткнули клумбы, детские площадки, скамейки... В общем, сквер не будет зелёной зоной» (Н. Новгород).

В-пятых, не прослеживается явно такой результат совместных действий, как консолидация местного сообщества и присвоение территорий.

Эксперт 1: «И Администрация города пошла на такой дорогой проект, несмотря на то, что бюджет у нас такой не очень хороший. Пытаются сделать для граждан удобно, комфортно, красиво, продуманно. А наши граждане успевают в то же время что-то где-то сломать, нет какого-то хозяйского отношения. Может, там среда такая, может культуры какой-то не хватает, чтобы беречь все».

⁹ Почему надо привлекать жителей к формированию городской среды // Российская газета. 2020. 14 октября. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/238978643>

Мы приходим к выводу о том, что широко-масштабно **на практике реализуются только две первые ступени гражданского участия**: информирование и консультирование. Основными трендами участия граждан в развитии городской среды являются выделение целевых аудиторий и проектирование общественных пространств согласно их интересам с использованием различных инструментов. Другие ступени гражданского участия – партнерство, делегирование полномочий – не осуществляются в полной мере. Пионеры соучаствующего проектирования в России, создатели «Проектной группы 8» Н. Снигирева и Д. Смирнов обращают внимание, что процесс вовлечения граждан приобретает «поточный» формальный характер [37, с. 62].

Обсуждение и выводы

Бесспорно, производство и изменение городского пространства выступают «ареной сосуществования институциональных и внеинституциональных практик» [6, с. 103; 7, с. 448]. Нами показано, что процессы типизации, институционализации и легитимации возводят в ранг «привычных» новые формы взаимодействия и модифицируют социальные роли и статусы, при этом направление институциональных изменений зависит от социокультурного контекста. Сделанные выводы о механизмах трансформации согласуются с мнениями других исследователей. Например, Т. Вигнс и Т. Диез показывают, что в локальных сообществах распространение отдельных местных инициатив приводит на совокупном уровне к трансформации установленных институциональных механизмов и практик [38].

В процессах формирования практики гражданского участия, инициированных активистами или государством, выделяется сходство и различие. Оба процесса («снизу» и «сверху») включают стадии «признания законности общественных движений в системе государственной власти», «признание легитимности в массовом сознании», «распространение институционализированных форм деятельности», но расходятся относительно порядка их прохождения. Также процессы различаются по характеру институциональных изменений, действий и отношений, структуре политических возможностей и прохождению ступеней гражданского участия (таблица).

Характеристика процессов институционализации гражданского участия в развитии городской среды в России

Наименование показателя	Институционализация «снизу» без конфликта интересов	Институционализация «снизу» при конфликте интересов	Институционализация «сверху»
Характер институциональных изменений	Инкрементный, спонтанный	Инкрементный, спонтанный	Более дискретный, целенаправленный
Характер отношений	Асимметричный	Асимметричный	Симметричный
Характер действий	Мелкомасштабные, самостоятельные	Как мелкомасштабные, так и крупномасштабные, самостоятельные	Как мелкомасштабные, так и крупномасштабные, институциональная опора
Вид институциональных изменений	Изменения в части неформальных норм	Трансформация социальных институтов (формальных и неформальных норм)	Воспроизводство социальных институтов
Структура политических возможностей	Открытая	Закрытая. Возможно с переходом в открытую в условиях поддержки действий активистов со стороны широких масс	Закрытая – для независимых общественных объединений; открытая – для созданных властью
Ступени гражданского участия	Реализация всех ступеней участия до «партнерства» и «принятия ответственности»	Жители готовы брать на себя ответственность. Ступень партнерства может быть реализована в случаях широко-масштабной поддержки до подмены партнерства власти и граждан «имитацией диалога»	Широкомасштабно на практике реализуются только две первые ступени гражданского участия: информирование и консультирование. Другие ступени – партнерство, делегирование полномочий – не осуществляются в полной мере
Источник: составлено автором.			

Институциональные изменения могут носить дискретный или инкрементный характер, быть спонтанными или целенаправленными. Плавность изменений обеспечивается инкорпорированием в траекторию их предшествующего развития или воздействием череды малых событий [39]. Вмешательство государства со стратегией импорта формальных институтов может придать более дискретный характер процессу при институционализации «сверху». При институционализации «снизу» изменения спонтанны, а при формировании социальных практик «сверху» изменения институтов имеют целенаправленный характер.

Институционализация «снизу» без конфликта интересов сопровождается мелкомасштабными, самостоятельными действиями. Характер действий активистов при наличии конфликта интересов остается самостоятельным, однако масштаб их может быть более крупным. При институционализации «сверху» действия граждан имеют институциональную опору.

Структура политических возможностей при формировании социальных практик «снизу» без конфликта интересов носит открытый характер, но активисты чаще всего от нее независимы. При наличии конфликта интересов структура закрытая, но в условиях поддержки действий активистов со стороны широких масс возможен переход на открытый характер. Как мы уже подчеркивали, при институционализации гражданского участия «сверху» структура политических возможностей носит закрытый характер для независимых общественных объединений и открытый – для объединений, созданных властью. К ресурсам активистов относятся возможности выхода в публичное пространство [8, с. 112].

Институционализация «снизу» без конфликта интересов представляет изменения в части неформальных норм. При наличии конфликта интересов содержание процесса формирования практик заключается в трансформации социальных институтов (формальных и неформальных норм). Формирование социаль-

ных практик «сверху» по своей сущности является воспроизводством социальных институтов, однако именно в сфере городского развития процесс идёт по типу «импорта институтов», о чем косвенно говорит его скорость. Н. Снигирева отмечает: «Такие изменения в России за два-три года — это крайне быстро. На конференции EDRA (Environmental Design Research Association) мы общались с представителями многих стран, и все они говорили: „То, что произошло у вас в стране за такое короткое время, в наших странах заняло десятилетия”». А Генри Санюфф говорит, что есть страны, где в таком формате это не случится никогда»¹⁰. Е.А. Шуклина и М.В. Певная придерживаются мнения о том, что в России сейчас активно происходит формализация социального участия, однако формальные нормы находятся вне зоны интересов молодежи [6, с. 104–105]. По результатам эмпирического исследования вовлечения граждан в вопросы развития городской среды в Санкт-Петербурге сделаны выводы о значительном развитии двух уровней вовлечения граждан в развитие городской среды: информирование и консультирование [40]. Другие исследователи не исключают наличия противоречий между гражданскими инициативами и программами макроразвития территорий, отражающими интересы местных властей [7, с. 458].

Частично полученные нами результаты перекликаются с данными А.А. Желниной и Е.В. Тыкановой, которые рассматривают сценарии развития городских конфликтов в зависимости от характера игроков и арен [32]. В этом направлении мы видим дальнейшее развитие исследования, а именно включение в механизмы формирования устойчивых практик гражданского участия особенностей выбора конфигурации арен (ситуативных и формальных), поведения различных игроков (как лидеров, так и игроков, встроенных в системы управления).

Итак, формирование социальных практик гражданского участия в развитии городской среды реализуется в двух направлениях: «снизу» через опривычивание или «сверху» как им-

порт социальных институтов. Государство, осознавая важность проблемы качества жизни, комфортной и безопасной городской среды, формализует и контролирует действия стейкхолдеров. Выпадение в процессе институционализации «сверху» ступеней «партнерство», «делегирование полномочий» наводит на мысль о формальном и имитационном характере практик гражданского участия в городском развитии. Горожане все чаще осознают потребность заявить о своих правах на территорию, но необходимы дальнейшие шаги, чтобы «право на город» из модного лозунга стало инструментом консолидации городского сообщества, а «создаваемые институциональные структуры не превращались бы из средства — в цель, нечто самодовлеющее» [41, с. 120]. Необходимо консолидировать усилия власти, которая декларирует заинтересованность в вовлечении граждан, и активистов, коллективные действия которых позволяют реализовать все ступени гражданского участия, отказавшись от положения о том, что институциональная и внеинституциональная арены противопоставляются друг другу.

Безусловно, накопленный активистами опыт способствует созданию гражданских инфраструктур, однако слабое вовлечение широких масс в социальные практики, отсутствие поддержки инициативных граждан со стороны населения могут в дальнейшем оказать демотивирующее действие на процессы гражданского участия.

Научная новизна предпринятого исследования заключается в определении механизмов формирования устойчивых практик участия граждан в формировании городской среды, выводах о наличии двух направлений процессов: институционализации «снизу» по типу хабиитуализации и институционализации «сверху». С теоретической точки зрения достаточно значимо и сравнение основных характеристик двух типов институционализации. Практическое значение имеют сделанные выводы о необходимости трансляции положительного опыта активистов и консолидации усилий институциональных и неинституциональных субъектов городского развития. Полученные результаты дополняют проводимые сотрудниками ВолНЦ РАН исследования направлений стратегического развития городов [42].

¹⁰ Соучаствующее проектирование: определение, история, практика // Институт развития городов Башкортостана. URL: <https://irgrb.ru/participation>

Литература

1. Gifford R. *Environmental Psychology: Principles and Practice*. Forth Edition. Colville: Optimal Books, 2007. 535 p.
2. Lefebvre H. *Writing to the City*. Selected, translated and introduced by Kofman E., Lebas E. Blacwell Publishers, 1996. 250 p.
3. Желнина А.А., Тыканова Е. В. Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. № 22 (1). С. 162–192. DOI: 10.31119/jssa.2019.22.1.8
4. Антипов К.А. Социальный потенциал самоорганизации местных сообществ // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2015. № 2. С. 22–31.
5. Скобелина Н.А. Институциональный анализ как перспективное направление в исследовании общественных движений (аналитический обзор) // Вестник института социологии. 2017. Т. 8. № 1. С. 163–173. DOI: 10.19181/vis.2017.20.1.44
6. Шуклина Е.А., Певная М.В. Методологические основы междисциплинарных исследований социального участия молодежи постсоветских стран в социокультурном развитии города // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2020. № 5 (68). С. 101–113. DOI: 10.26105/SSPU.2020.68.5.025
7. Антонова Н.Л., Абрамова С.Б., Полякова В.В. Право на город: повседневные практики молодежи и партисипация в производстве городского пространства // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 443–462. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1597
8. Скалабан И.А. Оборонительные сообщества в городских конфликтах. Становление концепции // Цивилизационные сдвиги в развитии современного города: сб. научн. трудов / научн. ред. Т.И. Грабельных. Иркутск, 2021. С. 109–114.
9. Бурдые П. Практический смысл / пер. с фр. А.Т. Бикбова, К.Д. Вознесенской, С.Н. Зенкина, Н.А. Шматко; общ. ред. и послесл. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.
10. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуриации. М.: Академический проект, 2003. 528 с.
11. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности / пер. с англ. Е.Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.
12. Meyer J.W., Boli J., Thomas G.M. Ontology and rationalization in the Western cultural account. In: *Institutional Environments and Organizations. Structural Complexity and Individualism*. Scott W.R., Meyer J.W. (Eds). London: Sage, 1994. Pp. 9–28.
13. Meyer R.E., Vaara E. Institutions and actorhood as co-constitutive and co-constructed: The argument and areas for future research. *Journal of Management Studies*, 2020, vol. 57, pp. 898–910. DOI: 10.1111/joms.12561
14. Антонова Н.Л. Социальная практика: теоретико-методологические основания исследовательского анализа // Известия Уральского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2009. № 4 (70). С. 92–98.
15. Заславская Т.И. О субъектно-деятельностном аспекте трансформационного процесса // Кто и куда стремится вести Россию?: // Актеры макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса: Междунар. симп., 19–20 янв. 2001 г. / под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: Моск. высш. шк. соц. и экон. наук, 2001. С. 3–15.
16. Шабанова М.А. О некоторых преимуществах интеграции экономического и социологического анализа институциональных изменений. Статья 1: Институты, практики, роли // Экономическая социология. 2006. Т. 7. № 4. С. 11–26.
17. Постсоветский институционализм / под ред. Р.М. Нуреева, В.В. Дементьева. Донецк: Каштан, 2005. 480 с.
18. McAdam D., McCarthy J.D., Zald M.N. *Comparative Perspectives on Social Movements: Political Opportunities, Mobilizing Structures, and Cultural Framing*. Cambridge, 2004. 426 p.
19. Волков В.В. О концепции практик(и) в социальных науках // Социологические исследования. 1997. № 6. С. 9–23.
20. Pel B., Bauler T. The Institutionalization of social innovation between transformation and capture. *TRANSIT Working Paper*, 2014, no. 2. Available at: <http://www.transitsocialinnovation.eu/content/original/Book%20>

covers/Local%20PDFs/103%20TRANSIT_Governance_Positionpaper_Pel%20%20Bauler%202014%20(2).pdf

21. Morgan R. On political institutions and social movement dynamics: The case of the United Nations and the Global indigenous movement. *International Political Science Review*, 2007, vol. 28 (3), pp. 273–292.
22. Katzenstein M.F. Stepsisters: Feminist movement activism in different institutional spaces. In: *The Social Movement Society: Contentious Politics for a New Century*. Meyer D., Tarrow S. (Eds.). Lanham: Rowman and Littlefield, 1998. Pp. 195–216.
23. Eisinger P.K. The conditions of protest behavior in American cities. *The American Political Science Review*, 1973, vol. 67 (1), pp. 11–14.
24. Hensman M. Social movement organizations: A metaphor for strategic actors in institutional fields. *Organization Studies*, 2003, vol. 24 (3), pp. 355–381.
25. Никовская Л.И., Скалабан И.А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 43–60. DOI: 10.17976/jpps/2017.06.04
26. Тыканова Е.В., Хохлова А.М. Конструирование исходов городских локальных конфликтов в дискурсе активистов и экспертов (случай Нижнего Новгорода) // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений: мат-лы V междунар. науч.-практ. интернет-конф. (г. Вологда, 23–27 марта 2020 г.): в 2-х ч. Ч. 1. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2020. С. 185–191.
27. Armstrong E.A., Bernstein M. Culture, power, and institutions: A multi-institutional politics approach to social movements. *Sociological Theory*, 2008, vol. 26 (1), pp. 74–99. DOI: 10.1111/j.1467-9558.2008.00319.x
28. Snow D.A., Soule S.A., Kriesi H. *The Blackwell Companion to Social Movements*. Blackwell Publishing, 2004. 754 p.
29. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / пер. с польск. С.М. Червонной. М.: Логос, 2005. 655 с.
30. Gamson W.A. *The Strategy of Social Protest*. Belmont: Wadsworth, 1990. 357 p.
31. Diani M. Social movements and social capital: A network perspective on movement outcomes. *Mobilization: An International Quarterly*, 1997, vol. 2(2), pp. 129–147.
32. Желнина А.А., Тыканова Е.В. «Игроки» на «аренах»: анализ взаимодействий в городских локальных конфликтах (случай Санкт-Петербурга и Москвы) // Журнал исследования социальной политики. 2021. Т. 19. № 2. С. 212–222. DOI: 10.17323/727-0634-2021-19-2-205-222
33. Тилли Ч. От мобилизации к революции / пер. с англ. Д. Карасева; под науч. ред. С. Моисеева. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 432 с.
34. Kriesi H. The political opportunity structure of the Dutch peace movement. *West European Politics*, 1989, vol. 12 (3), pp. 295–312. DOI: 10.1080/01402388908424754
35. Arnstein Sh.R. A ladder of citizen participation. *JAIIP*, 1969, vol. 35 (4), pp. 216–224.
36. Веревкин А.И., Соколов А.В. Протестные кампании в субъектах Российской Федерации: пример протестной кампании против строительства ОДЦ «Охта-Центр» в Санкт-Петербурге // ПОЛИТЭКС. 2012. № 2. С. 109–125.
37. Снигирева Н.В., Смирнов Д.Е. «Белые цветы»: социально-средовое проектирование как инструмент развития территорий // Архитектура и строительство России. 2021. № 2 (238). С. 63–72.
38. Burns T.R., Diez T. Revolution: An evolutionary perspective. *International Sociology*, 2001, vol. 16 (4), pp. 531–555. DOI: 10.1177/0268580901016004001
39. Гринберг Р.С., Комолов О.О. Импорт институтов: теоретический аспект и практический опыт // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 3. С. 17–27. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.2
40. Видясов Е.Ю., Тензина Я.Д., Видясова Л.А. Оценка уровней вовлечения граждан в развитие городской среды в Петербурге: результаты экспертного опроса // Информационные ресурсы России. 2021. № 3 (181). С. 8–10. DOI: 10.46920/0204-3653_2021_03181_8
41. Гараджа В.И. Социология религии. М.: Наука, 1995. 235 с.
42. Ускова Т.В., Секушина И.А. Стратегические приоритеты развития малых и средних городов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 1. С. 56–70. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.5

Приложение

Перечень материалов, включенных в анализ текстов

№ п/п	Населенный пункт	Тема	Источник информации
1	Москва 1	Как самим украсить двор цветами: Москвичи выращивают палисадники около подъездов	https://www.msk.kp.ru/daily/27028.4/4091424/
2	Благовещенск	«Самый цветущий двор» Благовещенска	https://www.amur.info/culture/2018/09/1/9157
3	Екатеринбург 1	В Екатеринбурге волонтеры возродили исторический сад в центре города	https://varlamov.ru/4051916.html?utm_source=facebook.com&utm_medium=social&utm_campaign=problema-mnogih-rossijskih-gorodov-v-tom
4	Москва 2	Как столетнему московскому подъезду возвращают исторический облик	https://strelkamag.com/ru/article/potolok?utm_source=strelkamag&utm_medium=social&utm_campaign=potolok
5	С. Богатое Самарской области	Том Соьер Фест: Селу был нужен герой	http://tsfest.ru/
6	Екатеринбург 2	Строительство храма Св. Екатерины	https://news.ru/society/mer-ekaterinburga-opros-vciom-ohrame-nichego-ne-reshaet/
7	Королев	Сохраним Рябиновый сквер	https://vk.com/video-188873215_456239026?t=46s
8	Нижний Новгород	Сохраним сквер в Приокском Районе	https://vk.com/save_prioksky_square_nn
9	Вологда	Против проекта берегоукрепления набережной реки Вологды	https://vk.com/vologdareka http://vologdareka.tilda.ws/
10	Санкт-Петербург 1	Против строительства Охта-центра	https://www.save-spb.ru/
11	Санкт-Петербург 2	Движение «Дерева Петербурга» (Мария Тиника)	https://vk.com/spbtree https://luna-info.ru/discourse/derevya-peterburga/

Сведения об авторе

Елена Олеговна Смолева – научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: riolenas@rambler.ru)

Smoleva E.O.

Forming the Practices of Citizens' Participation in the Development of the Urban Environment: Habitualization or Institutionalization From Above

Abstract. The article presents findings of a sociological research on the process of formation of social practices of citizens' participation in the development of the urban environment. Creating a new, people-friendly urban space involves taking into account the interests of various population groups and working out the mechanisms for citizens' involvement in urban management. The purpose of the work is to identify main ways for engaging citizens in the development of the urban environment by analyzing the processes of institutionalization. The theoretical and methodological basis of the research includes works devoted to social institutions and institutionalization, social movements as institutionalization agents, the right of citizens to participate in urban development, and the issues of civic participation in designing urban spaces. The analysis has identified main participants (actors) whose interests are affected when the issue concerning the development of the urban environment is formulated and addressed. We consider two processes of formation of the rules according to which the actors perform their functions in public arenas: from below through habitualization or from above as an import of social institutions.

We show the differences in the process and results of institutionalization of civic engagement in the presence or absence of a conflict of interests among the main actors: society, government, business community. We compare the processes according to the following parameters: the nature of institutional changes, relations and actions, type of institutional changes, structure of political opportunities, and civic engagement levels. We draw conclusions about how the orientation of the processes affects the nature of civic participation. In particular, the loss of the “partnership” and “delegation of authority” stages in the process of institutionalization from above indicates a formal and imitative nature of the practices of civic participation in urban development. The novelty of the work consists in comparing the oppositely directed processes of institutionalization of civic participation (from below and from above) on the example of a specific sphere such as urban development.

Key words: social institution, social practices, habitualization, institutionalization, civic participation.

Information about the Author

Elena O. Smoleva – Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: riolenas@rambler.ru)

Статья поступила 10.06.2021.